

ИНЖЕНЕР

ЧАСТЬ 3. ИЗЛОМ

Евгений Южин

16+

Евгений Южин
Инженер. Часть 3. Излом
Серия «Инженер», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53838027

SelfPub; 2020

Аннотация

Иметь цель в жизни – очень важно. Но совпадает ли она со смыслом? Какой выбор сделать, идти к своей путеводной звезде, избегая или преодолевая любые препятствия на этом пути, или пожертвовать своей мечтой, ради счастья других людей? Тайны магии, межзвездных путешествий, богов и пришельцев, манят. Однако, как выясняется, поиски ответов пожирают жизни и судьбы людей далеких и близких. Илья еще не осознает этот выбор, но его путь уже предрешен.

Содержание

Часть 3. Излом	4
1	4
2	21
3	29
4	42
5	61
6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Часть 3. Излом

1

Теплый ветер с моря обдувал разгоряченное лицо. Близился вечер и солнце опускалось за нашей спиной в горное царство мун¹. Внизу у подножия башни небоскреба, на крыше которой мы стояли, за узкой полосой серебристого леса и ослепительно красного пляжа лежал океан – лазурная плита, исполосованная многочисленными чертами судов, отдыхающих на якоре или ползущих по своим делам. Я уже не новичок в этом мире, но до сих пор, хотя и побывал на краю западного моря, не видел океана. Ана родилась и выросла на побережье, но и она никогда раньше не видела океан с высоты сорокаэтажной башни.

Наша птица – самодельный самолет, на котором мы пересекли горный хребет и добрались до восточного края континента, стояла прямо посреди просторной плоской крыши небоскреба. В отличии от земных зданий подобного масшта-

¹ Мун – народ, живущий в горах Мау. Отличаются от основного населения континента обособленным языком и выраженными расовыми особенностями – среди них наличие сильной растительности на лице, не свойственной остальным жителям. Из-за этого, Илья, как типичный европеоид, имеющий бороду, большинством аборигенов принимается за представителя этого народа.

ба, на крыше этого не было никаких надстроек, остатков оборудования или еще чего-нибудь подобного – просто большой ровный прямоугольник крошащегося бетона, огражденный по краям невысокой балюстрадой.

Справа от нас, на краю гигантской дуги пляжа теснился Эстраух, или, как его назвал пастух мун – Эстру. Берег от пляжа быстро повышался, взбираясь холмами к подножию близких гор. Мелкие светлые домики с плоскими крышами жались друг к другу и выписывали занятные коленца следуя за складками местности. Останки древнего города, на одной из башен которого мы совершили посадку, занимали выступающий в море широкий и плоский мыс на краю залива. Два десятка башен разного калибра теснились друг к другу своими бетонными скелетами. Для посадки мы выбрали самую высокую из них.

Когда я, уже порядком уставший, выскочил из горной долины на это месиво голых этажей без стен и окон, то по началу оторопел – так неожиданно было встретить здесь знакомый земной пейзаж приморского полиса. Только присмотревшись, стало понятно, что город мертв и то, что мы видим – скелеты древних великанов, пережившие столетия. По понятным причинам, мы не хотели афишировать наше появление, и я был рад, подвернувшейся возможности остановиться в относительной безопасности рядом с живым городом.

Я повернулся:

– Кажется, стоит заночевать здесь. А уже с утра спускаться-

ся.

Ана кивнула, не отрываясь глядя на живописный вид, несравнимый с плоскими однообразными пейзажами Мау.

– Пойду осмотрюсь, – сказал я девушке.

– Я с тобой. – оторвалась та от чарующей картины предзакатного океана.

Не знаю из чего был построен этот небоскреб, но по внешнему виду материал его перекрытий и несущих стен ничем не отличался от привычного мне бетона. Прошедшие столетия более всего сказались на крыше и краях плит этажей, подверженных воздействию солнца, ветра и осадков. Под ногами хрустел слой крошащейся бетонной крошки и белесой пыли, края межэтажных перекрытий оплыли и вблизи выглядели так, как будто их долго и упорно грызли летучие акулы, питающиеся искусственным камнем. Однако в целом, ощущения того, что могучая башня готовится вот-вот рухнуть, ничуть не было – древние знали свое дело.

По такой-же бетонной лестнице, идущей вдоль края крыши, мы спустились на этаж ниже. Многочисленные следы говорили ясно, что сооружение не было древним памятником незавершенного строительства – когда-то это было великолепное, полностью отстроенное здание. Просто, люди нового времени, наступившего после катастрофы, вынесли отсюда все, особенно дорогой металл и дефицитное стекло, а сотни лет царствования дикого ветра и дождя завершили разруху, оставив лишь голый обгрызенный скелет. Если и были тут

когда-то остатки чистовой отделки или мебели, то они уже сгнили в труху и были смыты дождями и сметены ветром.

Я вспомнил грандиозные многоугольники останков древнего города под Арракисом и подумал, какие же монстры должны были подпирать небо там, на западе.

– Ань, ты помнишь мы видели останки города около Арракиса²? – девушка кивнула, – А, почему там не уцелело не то, чтобы целого небоскреба, но и, хотя-бы руин от них?

– Там и не строили таких башен. Я видела картинки – это были невысокие города, а те многоугольники – это не фундаменты зданий, а основы городских районов. Они пористые, как сыр – древние сначала строили такой фундамент и прятали в него все коммуникации: транспорт, канализация, вода, воздух – все, что необходимо было им для жизни, а потом уже строились сверху в частном порядке – один дом, одна семья. Вот, ты спрашивал про улицы – они там были, но под землей, в толще районного фундамента, а наверху – люди жили. У нас до сих пор так строятся – без улиц. Вот, только, под землей уже ничего нет.

– А здесь?

– Район такой – специфический. Ты же видел – горы вокруг. Там только мун живут. А тут, вдоль берега – курорты, университеты, научные школы. Земли у берега много не бывает – вот и строили такие громады. На севере есть широкие

² Арракис – город на западном побережье океана, столица государства, в которое попал Илья.

долины – там людей побольше, там и столица северной части востока – Эстхил.

Мы нашли несколько лестниц, спустились по одной из них еще на уровень – похоже, этажи копировали друг друга и проверять что там ниже, сегодня смысла не имело. Везде – пыль, бетон, песок и больше ничего. Вряд ли сюда поднимались люди за последнюю сотню лет, а если, даже, и посещали из любопытства эти башни – вроде альпинистов, то следы их пребывания уже подчистили безжалостные время и ветер с дождем.

Ночевали мы в самолете. Несмотря на то, что в нашем распоряжении был целый небоскреб – по крайней мере, его верхние этажи, и можно было найти уютный, защищенный от ветра уголок для ночевки среди лабиринтов бетонных стен, мы не сговариваясь предпочли деревянный пол самолета, накрытый одеялами, как кусочек истинного уюта и комфорта. Пустые голые пространства навевали ощущение мертвецкой, склепа, и спать среди осиротевших останков чужой жизни было странно и немного страшно.

Ночью Ана опять уходила исполнять свой таинственный ритуал сброса эмоционального напряжения. В результате, у меня шевелились волосы на руках от неведомо откуда взявшегося статического электричества, и воняло горелым камнем. Я ничего ей не сказал, лишь молча помог забраться в самолет, когда она наконец-то вернулась. Сделал вид, как если бы речь шла о естественной надобности – ведь вежливые

люди в таких случаях не расспрашивают, как оно прошло и все ли в порядке. Похоже, для нее мое поведение оказалось непривычным – во всяком случае, когда мы уже улеглись – каждый у своего борта, она вдруг встала, наклонилась и чмокнула меня в щеку, тут же юркнув обратно.

– Теперь, спи! – было сказано тоном, не терпящим возражений, и я честно попытался подчиниться.

Великолепие приморского утра одарило нас фантастической красоты восходом и свежим морским воздухом. Мы, не торопясь позавтракали, упаковали те вещи, которые считали нужными носить при себе и начали спуск. Еще во время завтрака, я расслышал далекие голоса людей. Перегнувшись через балюстраду, я всмотрелся в неширокие поросшие деревьями проходы между башнями. Внизу сновали люди. Ни один из них не смотрел вверх, и я подумал, что внизу идет своя жизнь, никак не связанная с появлением нашего самолета.

Сорок этажей – это, доложу я вам, непросто, даже когда вы спускаетесь. Чем дальше мы продвигались по бетонным пролетам, тем сильнее я ощущал, что вскоре нам предстоит возвращаться обратно. На уровне пятого этажа башня раздавалась в стороны, образуя что-то вроде уступа, широким балконом опоясывавшего все здание. Кроны деревьев здесь уже поднимались гораздо выше, и я подошел к краю, чтобы рассмотреть жизнь, бегущую, судя по звукам, внизу.

Нижние два этажа соседних башен оказались оборудова-

ны стенами и окнами, явно построенными не древними – неуклюжая кладка, бревна, штукатурка. Рядом с некоторым дверьми висели разноцветные флаги – местный аналог и вывески, и рекламы одновременно. По улицам шли прохожие – немного, но целеустремленно, стояла пара повозок, разгружавшихся каким-то товаром. Я подумал, что дальнейший спуск может оказаться затруднен – вряд ли местные будут рады незнакомцам, появившимся в их квартирах или магазинах с чердака. Но все обошлось – пролет лестницы, по которой мы спускались, ничто не преграждало. Просто, на втором этаже по сторонам появились стены и закрытые двери. Мы немного постояли, ожидая не появится ли кто из них, но все было тихо и мы беспрепятственно вышли на улицу.

Еще наверху, за завтраком, я мучал девушку расспросами об устройстве местной жизни. На Земле появление на территории чужого государства нелегально грозило скорыми проблемами, если только вы не мексиканский эмигрант в Штатах – где родственники и диаспора не бросят вас на произвол судьбы. Да и то, если речь шла о начале двадцать первого века – судя по нашему опыту пребывания на Земле, там сейчас и муха с чужим ДНК не пролетит.

Мои расспросы забавляли девушку – через них она как-бы знакомилась с реалиями Земли. Здесь же, по ее словам, все обстояло намного проще – границ, как таковых, не существовало. Точнее, доступная сухопутная граница между восточными государствами и западными, была в наличии толь-

ко где-то далеко на севере – и как там все было устроено, Ана не знала. В остальном все связи осуществлялись по морю, и движение граждан через порты шло беспрепятственно. Совсем другое дело – товары. Именно их наличие строго контролировалось государством и во всех крупных морских городах имела таможня, главной целью существования которой был грабеж купцов. Так как мы не собирались заявляться на рынок и торговать импортом, то и доказывать легальность ввоза чего бы то ни было, нужды не было. Была только одна проблема с нашим пребыванием здесь – скелле³. Местное отделение ордена в пух и прах разругалось со своим родительским центром на западе еще в туманном прошлом. Хотя, формально, никаких препятствий к посещению чужой территории скелле не было, в реальности, обнаружив чужака, что те, что другие, не преминут, что называется, взять заложника. При этом гражданские власти стараются в разборки магов не лезть и последние этим активно пользуются. Короче – нам следовало любыми способами избегать внимания местных скелле. Не говоря уже о том, чтобы продемонстрировать им наш летательный аппарат. Местные славились гораздо большей консервативностью в отношении артефакт-

³ Скелле – в древнем языке существительное со значением «искусство, умение». Накануне Второго Поворота – название женского монашеского ордена, широко распространенного на Мау, члены которого занимались медициной. После Второго Поворота, когда все выжившие со способностью к искусству были вынуждены присоединиться к ордену, стало наименованием всех людей с даром вообще.

ной магии и не преминули бы воспользоваться этим. На нашей стороне был тот факт, что на востоке скелле, вообще, было намного меньше. Ана сказала, что весь орден тут едва ли превышает сто человек и при этом все они – монашки. Никаких маути, как на западе, здесь нет. Если ты маг, то ты – скелле. Если ты скелле – ты монах, точнее – монахиня. Без исключений. Пользуясь малочисленностью местных сестер, мы надеялись избежать общения с ними.

Ана, после пребывания на Земле, в совершенстве овладела техникой перевоплощения. Она научилась мгновенно превращаться в обычную, правда очень красивую, девушку. Даже я, с моим, привитым пытками, умением мгновенно распознавать скелле, иногда забывал о том, кто на самом деле рядом со мной. Я очень надеялся, что ей не придется выходить из образа и нас не будут ждать разборки еще и с местными сестрами.

Первый же, с кем ты столкнулись не улице, был высокий стройный негроид, удивительно похожий по телосложению на отца Аны. Я встречал не так много представителей древней расы и привык считать, что они красивы от природы – встречный разрушал этот стереотип. Просто всклокоченный негр с прямыми жесткими волосами, курносый плоским носом и широким округлым лицом. Он мазнул любопытным взглядом по Ане, легко обогнул меня и направился по своим делам. Мне показалось, что у него даже что-то растет на лице, что было и вовсе невероятным.

– Похоже, такие как ты здесь не в новинку. – задумчиво сказал я, провожая того взглядом.

– Тут после катастрофы осталось много людей с древней кровью – собственно, самой катастрофы тут и не было. Но, в отличие от запада, они полностью потеряли семьи. Темных тут много, но они все – уже давным-давно метисы. Этот вот, явно твой родственник. – Ана намекала на мун, которых как раз и отличали широкие округлые лица и плоские носы.

Девушка потянула меня за рукав, – Что ты застыл? Вон, еще метисы – смотри. – она указала на стоявшую неподалеку повозку, которую разгружали сразу три темнокожих грузчика.

Стало ясно, что, по крайней мере, экзотические черты скелле не являются чем-то здесь необычным и ее аристократическое происхождение для местных неочевидно.

Если когда-то и было какое-то покрытие улицы между зданиями, то сейчас от него не осталось и следа – под ногами лежал утоптаный красноватый грунт. Отростки дерева, которые то повсеместно пустило вокруг зданий, вздымались на высоту десятого этажа, образуя там наверху густую темную крону. Было забавно наблюдать такой светло серый, почти голубой, столб, растущий прямо посреди улицы – самый крупный транспорт – повозки, с легкостью объезжали его по сторонам и само дерево никого не смущало. Меня инстинктивно тянуло к океану и мы двинулись в его сторону, хотя изначально нашей целью было, изображая любопытных при-

езжих – кем мы и были на самом деле, найти себе гида или проводника, который бы мог что-то сообщить об остатках ушедшей цивилизации в городе и его окрестностях.

Вскоре стало понятно, что первые этажи древних зданий были повсеместно застроены и использовались аборигенами, как хорошая основа для жилья или чего бы то ни было. Редко, когда мы видели, чтобы использовался этаж выше второго. Переговорив с каким-то солидным мужиком, стоявшим рядом с открытыми воротами то-ли склада, то-ли супермаркета, мы выяснили, что сами того не желая, очутились в центре города. Тот симпатичный малоэтажный городок, который мы видели с крыши, был населен зажиточными гражданами. Район, выросший вокруг мертвых многоэтажек, был коммерческим центром города, а его окраины – не только в смысле ширины, но и по высоте, населял народ попроще.

Я чувствовал себя так, как будто очутился на Земле. Ориентироваться в переплетениях улиц, умело лавировать среди прохожих, рассматривая вывески в виде флагов и глаза на открытые ворота магазинов, складов и харчевен, было привычно и знакомо. Это была родная для меня стихия города, как я к нему привык, только без транспорта и в тени гигантских деревьев, растущих местами прямо между зданиями.

Скоро мы вышли на громадную прямоугольную площадь между древних башен. Точнее, это я догадывался, что когда-то это пространство, скорее всего, было площадью. Сего-

дня, площадь превратилась в рынок, застроенный одноэтажными рядами складов, один конец которых использовался как магазин, а другой, как складские ворота. Проходы, заполненные людьми, чередовались с проходами, заполненными повозками и большими телегами.

Мы ничего не собирались покупать и двигались мимо рыночной площади по направлению к блестящему на солнце океану, когда дорогу нам преградили трое стражников, вышедших прямо перед нами из широких дверей какого-то, видимо, официального помещения – на входе стоял еще один страж на карауле, а над дверьми на высоте второго этажа безвольно висела пара особенно больших знамен красно-черного цвета. Я привычно собрался обогнуть их, делая вид, что мне нет до них дела, но скелле, державшаяся в целом вполне скромно, видимо, не до конца вошла в образ простой девушки, и двинулась сквозь строй суровых воинов, как ледокол сквозь стайку мелких льдинок. Те автоматически расступились, но спохватились и начали смущенно оглядываться, присматриваясь к тому, кто так бесцеремонно разорвал их компанию. Я юркнул следом, на ходу извиняясь, догнал невозмутимо шествующую девушку и попытался на ходу скорректировать ее поведение:

– Ань, ты же простая девушка.

Та посмотрела на меня, как на сумасшедшего, но, видимо, сообразила, о чем я и бросила:

– И что не так?

– Простые девушки – если не ищут защиты, конечно, обычно сторонятся представителей властей, так как от них у простых девушек могут быть только проблемы. Особенно если простые девушки будут расталкивать стражников, как будто те – пустое место.

Ана оглянулась назад, встретила взглядом с охранниками, по-прежнему провожавшими нас взглядами, и улыбнулась. Блин! Вот это я понимаю – магия! Четыре дядьки не юношеского возраста подтянули животы, поправили одежду и заулыбались, как если бы их одарили молодостью. Я вздохнул:

– Ну, так тоже можно, только, не перегибай.

Девушка, не обращая на меня внимания свернула с нашего пути и направилась к лавке на краю торгового ряда.

– Ань?

– Погоди. Это же жемчуг морских лохов!

Про себя я взмолился, – за что? Что я такого сделал? Опять магазины – я ненавижу необходимость убивать время в абсолютно не интересных мне заведениях, изображая самодвижущийся автономный кошелек на ножках с функцией транспортировщика и интеллектуального советника! За годы, прошедшие с тех пор, как я потерял семью, я уже стал забывать об этом ужасе – неужели я снова попал?

Позволив девушке исследовать прилавки самостоятельно, я скучающе озирался, рассматривая не слишком оживленный рынок. Мое внимание привлекли два странного вида

персонажа – один постарше, другой – совсем молоденький паренек. Оба были одеты в просторные хламиды, напомнившие мне рубашки, которые на Земле я видел у арабов в Египте, с той, только, разницей, что у местных они были подпоясаны ярко-красными поясами. В руках они несли два мешка, в которые складывали все, что им выдавали лавочники. Это выглядело как служение буддийских монахов, которые профессионально побираются, обеспечивая таким образом пропитание их общины. Я повернулся к продавцу – молодой женщине стандартного на Мау⁴ облика, и спросил:

– А что это за чудики?

Та лениво осмотрела побирушек, скривилась и произнесла одно слово:

– Феус.

– Никогда не слышал. Кто они такие?

Женщина пожала плечами, подала Ане очередную непонятную мне коробочку и, только после этого, ответила:

– Монахи. Побираются.

Меня ее ответ не удовлетворил и так как, все-равно, делать было нечего, я продолжил расспросы:

– Монахи. А во что они верят? Чему служат?

– Верят, что мы все пришли из другого лучшего мира. Что боги дали нам феус, чтобы мы могли вернуться домой, но мы

⁴ Мау – первоначально название обширной равнины на западной окраине континента, являющейся бассейном реки Дон. В последующем так стали называть весь запад континента и в широком смысле даже весь обитаемый мир.

его потеряли. Говорят, что когда боги вернутся, то всех покарают, кроме тех, кто ищет этот самый феус.

Я ошарашено смотрел на продавщицу. До меня внезапно дошло – на древнем языке «пхеу» означало «физика» по-русски. Ну, еще «быть» или «расти». На каком-то наитии я спросил:

– Новый феус?⁵

Продавщица, равнодушно перекладывая свои коробочки на прилавке, также равнодушно, скривилась:

– Это они себя так называют. Мы их называем старый феус, – они усмехнулась, – Вы посмотрите на них – один, может и новый, но второй – точно, нет.

Чудики уже подошли к соседней лавке, старший переложил поданный ему круг колбасы в мешок, а молодой подошел к нам.

– Боги вернутся и всех рассудят. – пробормотал он, как заученную мантру, фразу.

Продавщица достала из-под прилавка сверток и передала ему. Тот, поклонился и пробормотал:

– Ради возвращения домой.

Я очнулся, и отойдя от прилавка заступил дорогу старше-

⁵ Феус – искаженное «пхеу» на языке древних. Означало «быть» или «расти». Позже в культуре древних стало обозначать научную дисциплину исследующую материальный мир и его законы вообще. Илья переводит это на русский, как «физика». В случайно купленном школьном учебнике древних, времен перед Катастрофой, «новой физикой» называется особый подход к исследованию материи, основанный на построении модели последней из ряда простейших допущений.

му из них:

– Простите любезный. У вас будет немного времени, ответить на несколько вопросов? Меня очень интересует новая физика, – последнее я произнес, так, как оно звучало у древних.

Монах ничуть не смутился:

– Ваше стремление похвально, и я обязан помочь вам, но сейчас я на службе и если не выполню свой долг, то пострадают мои братья. Если ваше желание не мимолетно, то вы справитесь сами. Ответы на ваши вопросы вы всегда найдете на службе в монастыре. Боги вернуться!

Почему-то, я ответил не задумываясь, – Дома вас не ждут.

Монах, уже развернувшийся от меня, остановился, медленно повернулся:

– Не говори так. Ты этого знать не можешь.

– Это я про богов знать не могу, а про дом – очень даже.

Его лицо выглядело намного старше, чем было – высохшее, осунувшееся, с глубокими морщинами, но мне показалось, что он еще довольно молод. Некоторое время он всматривался в меня, затем повторил, – Боги вернуться, – и, уже не оглядываясь, двинулся к ожидавшемуся его молодому монаху.

Похоже, Ана пропустила весь наш разговор. Пока я смотрел вслед монахам, она дернула меня за рукав:

– Чего встал? Пойдем?

Я задумчиво посмотрел на нее, – Надо узнать, где их мо-

настырь.

Девушка нахмурилась, посмотрела вслед уходящим побиркам и спросила продавщицу:

– Любезная, а где монастырь этих? – она указала изящным пальцем на скрывающихся за поворотом следующего ряда монахов.

– Где-то в горах. Наверное недалеко, если они пешком доходят. Я точно не знаю, но то, что они сегодня насобирают, уже на завтрак будет в монастыре.

Соседний лавочник, как оказалось, прислушивался к нам:

– В Узкой долине они сидят, в развалинах.

Я кивнул ему с благодарностью. Ана вновь дернула меня за рукав:

– Кто это такие?

– Новые физики. Ищут дорогу домой и ушедших богов.

2

Переждав реакцию скелле, которая застыла, широко раскрыв прекрасные глаза орехового цвета, я поспешил удовлетворить свое разыгравшееся любопытство:

– Скажите, а почему их не гонят, почему им подают? Я, вот, не заметил ни одной лавки, где бы им отказали.

Ответил тот-же лавочник с хорошим слухом и, по-видимому, наметанным глазом:

– Так, у нас не то, что на востоке – скелле на каждом повороте не найдешь. Да и не на повороте, тоже, вспотеешь бегать за ними. А, у них – видящие. Куда деваться?

Я подумал о том, что мы сильно рисковали – если бы среди монахов оказался видящий, то он, точно, опознал бы скелле. Но спросил о другом:

– И что, видящие тоже ходят прямо по улицам, побираются?

Мужик хмыкнул, – Ну, да, конечно! Видящие в монастыре сидят и вкусно кушают, а это – рядовые монахи, служки, так сказать.

Пришла моя очередь дергать девушку за рукав.

– Алло, гараж! Пошли дальше?

Ана озадаченно взглянула на меня, но не переспросила о том, что такое «гараж» – по-видимому, еще не пришла в себя от неожиданного открытия. Она задумчиво последовала за

мною, вертя в руках небольшую коробочку, купленную ею в лавке.

– Чего это? Покажешь? – обернулся я.

– Смотри! – она с воодушевлением открыла маленькую упаковку и с гордостью продемонстрировала горсть разнокалиберных блестящих черно-бурых шариков, перекатывавшихся внутри.

– Похоже на какашки. – задумчиво с оценивающим видом изрек я.

– Сам ты, какашка! Это жемчуг морских лохов!

– Да я понял – какашки морских лохов.

– Балда. Это универсальное сырье, – Ана возбужденно стала объяснять мне ценность ее приобретения, – Понимаешь, человеческий организм – это, как множество замочков, прикрепленных к каждой его клеточке. А эти какашки – это целый набор ключиков к этим замочкам. Местные работать с ними не умеют – я говорю о скелле. Когда они разругались с орденом, то потеряли доступ к университетам на западе. В результате, интернаты, которые всегда были у них неплохие, выращивают новых скелле, но и только. Как врачи они деградировали – так, лечат на уровне простейших манипуляций. А чтобы выделить нужный компонент, нужны знания, а не только искусство. Короче, из этих какашек, я тебе что угодно могу приготовить – могу ускорить ритм сердца, могу замедлить, могу расслабить тонус сосудов, могу напрячь их, могу в мозги забраться, а могу в кишки. В этих какашках ги-

гантская коллекция разных белков и их обломков. Это, просто, счастье какое-то!

Я кивнул, – Похоже, что местные – я не о скелле, это не очень понимают.

– Да знают они. Только сделать-то ничего не могут. Они из них вытяжки всякие, настойки и прочую белиберду готовят. Так сказать – комплексные препараты. Травятся потихоньку, но что-то и лечат одновременно. Да, что там говорить – они все это через пищеварительный тракт принимают. Понимаешь?

– Угу. – кивнул я с умным видом, – У них же там все белки тут же на аминокислоты разваливаются.

– Какой ты умный! – хитро прищурилась девушка, явно нацеливаясь, высмеять меня.

Я решил не давать ей такой возможности и с предельно серьезным видом согласился, – Это, да!

Я вырос у моря. Любой нормальный пацан, вспоминая детство, вспомнит ту среду, то окружение, в котором он познавал окружающий мир. Для одного – это будет лес, для другого – степь, для третьего – река, а для меня – это было море. Можно сказать, что я проводил в нем все время с мая по октябрь, а остаток года слонялся рядом. И вот, я дорвался – меня приняла родная стихия.

Я лежал на спине, рассматривая такое знакомое, такое земное синее небо со штрихами перистых облаков так высо-

ко, что они должны были видеть космос. Мир вокруг исчез, оставив меня наедине с этой синевой. Это был миг, когда можно было забыть о всем, забыть о тайне, которая вела меня по мирам, забыть об опасности, которая бродила вокруг.

С сожалением, я оторвался от созерцания бесконечности и вернулся на планету. Дно медленно понижалось от кромки воды, и я заплыл довольно далеко от широкого пляжа из красноватого песка, на котором сидела, ожидая меня, одинокая темная фигурка. Я махнул девушке рукой и стал выбираться. Купание в океане, похоже, совсем не привлекало местных, больше озабоченных повседневной жизнью – во всяком случае, на пляже не было ни одного человека, даже детей. Ана отказалась лезть в воду несмотря на то, что солнце ощутимо припекало. Она внимательно осмотрела меня, добравшегося наконец до суши и заявила:

– Теперь будешь соленый и станешь чесаться.

– Не стану.

Я осмотрелся по сторонам. Вдалеке, там, где располагались причалы небольшого порта, можно было видеть какое-то движение людей и повозок. У одного из невысоких, далеко выдававшихся в море пирсов стояло длинное судно неизвестного мне вида. На мысу, где стояли древние башни, и где я только что купался – никого не было. Немного в стороне, под тенью высоченных серебристых великанов пряталось что-то напомнившее мне земные приморские ресторанчики – деревянный подиум со столиками, накрытый боль-

шим навесом.

– Ань, пойдём, поедим местных деликатесов?

Девушка оглянулась, потягиваясь, отчего частота сердечных сокращений и тонус мелких и крупных сосудов изменились без всякой помощи инопланетной медицинской химии, – Пойдём! Я обожаю морских лохов!

Нас захватило такое знакомое курортное состояние, когда ты можешь позволить себе ленивое безделье, изредка разбавляемое вкусным обедом. В этом расслабленном настроении мы и поднялись на террасу, уставленную небольшими столиками. Я чувствовал себя отпускником, заслуженно восстанавливающим потрепанную нервную систему после тяжелой опасной командировки. Лениво сделав заказ подскочившему хозяину, мы сидели, потягивая знакомый раствор орешка, любуясь океаном, сверкавшим под солнцем. Надо сказать, что орешек здесь стоил космических денег и при этом был разведен до неприличного состояния. Однако, никакого желания устраивать скандал не возникало – на курорте свои законы и пляжное надувательство – обязательный элемент программы.

Рядом с выходом на кухню за большим столом сидела компания из трех молодых парней, отмечавших какую-то удачу. Они не сильно шумели, но окружающие, тем не менее, невольно были в курсе чужого праздника. Со мною была скелле, поэтому я пребывал в совершенном спокойствии и безмятежности. Ана, похоже, также наслаждалась внезап-

но образовавшимся перерывом в наших приключениях. Мы негромко обсуждали наши планы по посещению монастыря новых физиков, или «фисиков», как я переводил искаженное название на Мау слова «феус», в оригинале звучавшее, как «пхеу». Поэтому, для нас обоих оказался совершенно неожиданным голос, ворвавшийся прямо в наш разговор:

– Девушке такой редкой красоты не место за одним столом с муном.

Говорящий – один из праздновавших, нависал над столом. Из-за его плеча выдвинулся его второй приятель:

– Келхур, оставь эти предрассудки. Мы с уважением относимся к мунам, – он чему-то хихикнул и продолжил, – Прощу прощения за невоспитанность моего товарища! Мы хотели предложить вам разделить с нами наш праздник, – посмотрев на меня он подмигнул и продолжил, – За наш счет, конечно.

Похоже, что последние слова должны были сразить меня наповал. Ана в изумлении рассматривала незадачливых парней. Я откинулся на спинку стула, наслаждаясь моментом, но, тем не менее, счел нужным ответить:

– Спасибо за приглашение, но мы хотели бы остаться одни.

Парни на мои слова, похоже, не обратили никакого внимания. Первый подошедший, который все это время молча разглядывал девушку, внезапно сел за стол, не отрывая от нее взгляда, и громко позвал хозяина:

– Любезный! Подойди-ка сюда.

В следующую секунду стало не до хозяина, а я так и не узнал, что же хотел от него приставучий парень – Ана выпрямилась на стуле, ее лицо приобрело надменный вид, а голос прозвучал, как шипение ядовитой змеи:

– Что это за люди?

Было не ясно, кому она адресовала свой вопрос. Я замер, так как внезапно очутился на краю ядерного реактора и, реально, мечтал вернуться обратно в море – подальше от этого еще минуту назад уютного заведения. Зная, с кем я имею дело, я даже не пытался что-то сказать, как-то отвлечь девушку, которой в тот момент уже не было. Скелле, сдерживая ярость, рассматривала тупую табуретку, оказавшуюся не вовремя на ее пути, и решала, стоит ли выбросить ее в окно на головы прохожим или сдержаться, проявив недюжинную выдержку.

Второй парень, явно трезвее первого, внезапно охнул и осел на соседний стол, побледнев лицом и мгновенно вспотев. Стол, с противным скрежетом, сдвинулся и парень рухнул на пол, продолжая пятиться от Аны. Я понял, что ситуация перестала быть забавной, но не успевал сообразить, что я могу сделать.

Тот, кто без спросу уселся за наш стол, ничего не понял и, глупо улыбаясь, обернулся к своему товарищу, пытавшемуся отползти от внезапно явившейся смерти. Когда он повернул голову обратно, то, на мой взгляд, был совершенно трезв –

что-то дошло и до него. Я всматривался в скелле, пытаюсь понять, что именно выдало мою спутницу: ну – надменная, ну – бесстрастная, ну – прямая, как палка. Я видел очень красивую женщину и, хотя мое бессознательное вопило об опасности, я, все равно, видел Ану.

Где-то позади, во внезапно наступившей тишине, кто-то сдавленно пискнул:

– Скелле!

Парень, сучивший ногами на полу, замер, отчего показалось, что тишина стала невыносимой, и тогда, сидевший за столом внезапно дернулся, как если бы попытался встать, завозил руками по столу, замер на мгновение, неловко завалился набок и безвольным мешком сполз на пол закатывая глаза.

По лицу девушки я видел, что она тут не при чем, и что Келхур, если его так звали, выпал в осадок сам, без помощи магии. На заднем плане, над копошащимися на полу телами, за пустыми столиками, как маски привидений, маячили в неподвижности бледные лица посетителей и хозяина заведения.

Я прочистил горло и, стараясь говорить спокойно, как если бы случившееся было привычной каждодневной рутинной, потребовал:

– Хозяин! Мы пересядем за другой столик. Приберитесь, пожалуйста, замените то дерьмо, которым вы нас поили, и принесите наш заказ.

Осыпающиеся бетонные лестницы бежали перед моими глазами бесконечным эскалатором. Мышцы не ногах налились кровью и казалось, что лопнут при неосторожном движении, сердце колотилось под ребрами, пытаюсь вырваться наружу, неприятно ныло место недавнего ранения. Рюкзаки пришлось снять, чтобы хоть как-то остудить взмокшие спины. Одежда ощущалась неприятными мокрыми тряпками, липнувшими к телам. Молодецкие прыжки через ступеньку прервались еще на уровне седьмого этажа, и я просто старался удержать темп. Ана, проявляя нешуточную физическую подготовку, держалась плотно за моей спиной.

Это была расплата за необыкновенно вкусный обед, который последовал за неприятной и неожиданной сценой в харчевне. То-ли местная кухня была такой великолепной, то-ли хозяин, напуганный появлением скелле, расстарался, но жареный на гриле морской лох навсегда останется для меня эталоном вкуса – нежное светлое мясо с оранжевыми прожилками одновременно напоминало по вкусу земного кальмара, только гораздо более душистого, и яркие оттенки мелких ракообразных и даже крабов.

Ана, хотя и расслабилась, но не вернула маску простой беззаботной девушки – была задумчива и серьезна. Я чувствовал небольшое напряжение, уже предугадывая развитие

событий, но если бы я их действительно мог предсказать, то не сидел бы за столиком, а неся со всех ног к самолету. Когда мы наконец покинули тенистое заведение на краю блистающего на солнце океана, я позволил себе проявить копившееся напряжение, и, вытащив под задумчивым взглядом скелле подзорную трубу, осмотрелся. Хорошо было видно, как по лестничному маршу башни, которую мы покинули этим утром, поднимались на уровне пятого этажа три неярких переливающихся пятна – скелле.

Тридцатый этаж! Мы неслись по параллельному лестничному пролету, пытаясь догнать и обогнать неспеша двигающихся наверх соперников. Те, по всей видимости, не видели нас, так как двигались с остановками, хотя и довольно быстро, однако, солидная фора, имевшаяся в их распоряжении, позволяла им экономить силы и не торопиться.

Наконец, мы вырвались на крышу – она была пуста, залита солнцем, и, прямо посередине площадки, сверкал серебром наш самолет, абсолютно равнодушный и спокойный. Горячий воздух обхватил наши тела и тут же был сдернут прочь порывом теплого морского ветра. Ана устремилась к машине, я же, остановившись, попытался сдернуть с плеча тубус, чтобы осмотреться, насколько нам удалось опередить скелле.

– Вы только посмотрите, что тут у нас! – незнакомый молодой женский голос весело прозвучал над бетоном.

– Милочка, куда же вы? – тут же раздался второй, явно

адресуясь Ане.

Три скелле одновременно появились из прохода рядом. Все три – молодые, с типичными для Мау чертами лиц, невысокие, одетые в знакомые мне просторные светлые комбинезоны, так что казалось, что все они в одинаковой форме. Третья, самая близкая ко мне, негромко бросила, обращаясь в мою сторону:

– На колени мун. Сиди спокойно – ты нам не нужен.

Она внимательно смотрела на меня и я, чувствуя себя под стволами наведенных пушек, не торопясь опустился на колени, положил рядом рюкзак, продолжая снимать с себя тубус и шокер. Скелле дождалась, пока я окончательно справился со сбруей, положив шокер под правую руку, и отвернулась, потеряв ко мне интерес. Я был в замечательной позиции – все три незнакомки стояли боком ко мне, образовав неровный строй, однако, ничего поделывать не мог, так как мое оружие обладало максимальной дальностью в три метра, в то время, как из всех троих, только одна, ближайшая, располагалась на этом расстоянии.

Ана развернулась навстречу местным скелле и сдвинулась ближе к балюстраде, так как те появились из одного из проходов, располагавшихся здесь по краям. Я замер, поджидая подходящий момент. О том, что наше положение отчаянное я не думал. Для меня скелле – враги, и единственный способ общения с ними – бой. По крайней мере, в ситуации, где меня никто не спрашивает и моим мнением не интересуется –

к чему разговаривать с пылью под ногами?

Одна из женщин, постоянно шевелила руками, как будто ощупывая что-то невидимое – мне кажется, теперь я понимал, что это за подвид магов. Именно она и оказалась самой нетерпеливой.

– Это еще что за дерьмо? – буркнула она и, не дожидаясь ответа, развела руки, отчего в воздухе перед ней вспыхнул очень яркий обжигающий шарик. В следующее мгновение она резко свела ладони и тот слепящим росчерком метнулся к самолету.

– Нет! – раздался резкий вскрик Аны, и сверкающий болид, едва не врезавшись в самолет, отскочил в сторону и вверх, чтобы, описав сверкающей каплей дугу, исчезнуть за балюстрадой.

Все остальное заняло считанные секунды. Пока я поднимал шокер, Ана и дальняя от меня скелле сцепились двумя потоками слепящего полупрозрачного воздуха, от которого, бетон между женщинами стремительно посветлел и покрывлся плотным серым дымом. Ближняя скелле не успела ничего сделать – разряд заплясал между шокером, зажатым в моей руке, и точкой, с другой стороны, от ее тела, стремительно, в такт моим шагам, сдвигающейся навстречу скелле в центре. Последняя, не обращая на меня внимания, толкнула от груди нечто двумя руками, и Ана, напряженно боровшаяся со своей визави, вскрикнула, взмахнула руками и вместе с рюкзаком, болтавшимся у нее на спине, перелете-

ла через балюстраду. В следующее мгновение разряд шокера добрался до рукастой магички, и та отлетела в сторону, сметенная шипящей молнией. Но времени не хватило, и последняя оставшаяся скелле, сражавшаяся до того с Аной, повернулась ко мне. Мои мышцы – все, включая сердце, отказались мне подчиняться и я, не в силах даже повернуть глаза, с разбегу устремился навстречу с бетоном. К счастью, маховик шокера, зажатого в руке, продолжал вращаться, и сверкающая плеть молнии не потухла, как мое сознание, а прыгнула вперед вместе с падающим телом. Разряд, даже не коснулся мага, но та дернулась, отпрянула, и эти мгновения решили все. Я просто не успел умереть, сердце трепыхнулось и я, на мгновение почувствовав свое тело, сделал единственное, что мог – протянул руку навстречу едва не убившей меня скелле. Бетон врезался в мое тело. Не успев выставить руки я упал, как и летел – плашмя. Дыхание вылетело из груди, челюсть задранной головы противно клацнула зубами, к счастью, не сломав их, и я еще на мгновение потерял ориентацию. Вскочив на голых рефлексах, даже не замечая, как правая рука, несмотря ни на что терзает маховик шокера, я вгляделся в последнего оставшегося противника. Та была жива, но, похоже, пребывала в состоянии шока – она вяло копошилась, не делая попытки убить меня.

Мне казалось, что весь мир вокруг звенит и вибрирует, хотя я не слышал ничего, даже ветра и шипения разряда в моей руке. Остро воняло горелым камнем, дым от ошпарен-

ного бетона наконец-то поднялся над площадкой и теперь накрывал меня вонючим облаком. Солнце все также палило сверху, добавляя жара разогретому телу. Механически, как бездушный робот, я направил разряд на беспомощную скелле, добывая неизвестную мне женщину, как будто делаю привычную уборку. Заторможенный, я осмотрелся, не двигаясь. Вдали безмятежной птицей застыл невредимый самолет, между ним и мной по бетону крыши расплзлось белое жаркое пятно, клуб дыма, оторвавшийся от него, медленно двигался сносимый ветром над моей головой. Тела трех женщин, имен которых я даже не знал, лежали рядом, как кучи тряпья. Аны не было.

Черт! Я рванулся к балюстраде, и чуть не рухнул, запутавшись в собственных ногах – примененная ко мне магия не прошла бесследно. Едва ли не на четвереньках я добрался наконец до края крыши и взглянул вниз. Далеко внизу, там, где широкий балкон опоясывал небоскреб на уровне пятого этажа, была видна крохотная распластанная фигурка девушки с нелепо вывернутым рюкзаком, который торчал из-под ее плеча уродливой кляксой.

Я, застыв, всматривался в далекий силуэт, надеясь, что все обошлось, что она упала удачно и может быть не сильно разбилась. Вон, даже крови не видно. Отвалив от балюстрады, я уселся на задницу в совершенном опустошении. Было ясно – надо спускаться, но сил на это не было. Где-то далеко внутри, чужой голос, твердил, что теперь можно не торо-

питься, что она не убежит и дождется меня в любом случае.

Разозлившись на голос и на себя – рыхлого нытика, я собрался с остатками сил и направился к лестницам. На первом же марше меня вырвало. Отсидевшись, я почувствовал себя лучше. Сильно хотелось пить, но мой рюкзак остался на крыше. Пересилив себя, я поднялся вновь наверх и нацепил его, с наслаждением напившись.

Этот спуск я запомню на всю жизнь – бесконечное движение в никуда, бесконечное движение туда, куда не хочешь идти, бесконечное движение вниз. Внутри все замерзло – ни мыслей, ни чувств, ни желаний. Только непонятное стремление туда, где лежала девушка. Иногда в голове мелькали идеи о том, как оказывать помощь при переломах, что делать, если пострадал позвоночник, что я буду делать при травме черепа, но весь этот бред тут же сметало осознание того, что моя помощь вряд ли поможет кому-либо. В какой-то момент я подумал, что хорошо бы, если моя скелле была бы со мной, она бы справилась, она бы знала, что делать. Осознав, что вертится в моей перегретой голове, я встряхнулся – не иначе сказывались последствия временного паралича, наведенного убитой.

Ну, вот он – шестой этаж. Выхода на балкон искать не пришлось – никаких стен не сохранилось, и я просто зашагал в нужном мне направлении. Вот и она – издалека казалось, что девушка прилегла отдохнуть, подложив под голову рюкзак. Я подошел вплотную и опустился на колени рядом с телом.

Она была совершенна – идеальное лицо, кожа, удлиненное стройное тело, блестящие черные волосы, собранные в пучок. Казалось, что она жива, что она спит. Никакой бледности, обескровленных покровов – светящееся лицо, неглубокое ровное дыхание.

Чего?! Я торопливо приложил ухо к ее груди – ни хрена не слышу! В ушах, по-прежнему, звенело, но руки почувствовали ровное спокойное движение. Меня захлестнула эйфория сходная с той, которую я испытывал, когда скелле в Саэмдиле⁶ прекращала на мгновения пытку. Мне даже показалось, что все последствия паралича смыло волной, слух, зрение, ощущение собственного тела – все вернулось. Внезапно возникло ощущение, что я сижу рядом с пушистым мягким одуванчиком, который касается меня своими кисточками. Приказав себе собраться, я сбросил рюкзак и постарался аккуратно осмотреть девушку. Никакой крови ни под ней, ни рядом не обнаружилось. Я бережно ощупал голову, стараясь не двигать шею или позвоночник – никаких повреждений, ничего необычного. Вновь появилось ощущение одуванчика, который, как мне казалось, стал расти во все стороны. Я замер, пережидая странные глюки, и тут Ана вздохнула и открыла глаза. Ее глаза встретились с моими, какое-то время она молча смотрела на меня, затем резко изменилась. В этот момент я понял, как другие люди распознавали в ней скел-

⁶ Саэмдил – пограничный город, находящийся между Облачным краем и долиной Дона. Первый город, куда попал Илья.

ле – ее глаза оставаясь живыми и подвижными вдруг потеряли всякую связь с моими, они смотрели куда-то мимо меня, я для них, как будто, перестал существовать. Очнувшаяся скелле резко спросила напряженным хриплым голосом:

– Где они?

– Мертвы.

Взгляд девушки снова вернулся. Она секунду смотрела на меня, затем тихонько произнесла:

– Ты?

Я кивнул, – Как ты себя чувствуешь?

Вместо ответа скелле села и тут-же завалилась на бок. Что-то промычав, выдала: – Блин! Похоже, сотрясение мозга и довольно сильное.

Все мои познания по лечению сотрясений сводились к двум словам – постельный режим. Ана попросила помочь ей избавиться от рюкзака, который по-прежнему висел на ее плече – вторая лямка оказалась оторванной с мясом, и легла на спину. Немного, молча подышав, попросила:

– Найди жемчуг, который я купила на рынке.

Последний обнаружился целый и невредимый в ее рюкзаке. Передавая найденное Ане, я спросил, пытаюсь унять мучавшее меня любопытство:

– Как леталось? Что ты сделала?

Прижав коробочку с жемчугом к себе, она закрыла глаза, помолчала, и ответила, по-прежнему не открывая глаз:

– Я, как ты рассказывал, импульс на рюкзак направила и

повисла в нем. Дальше – ничего не помню.

– Кроме дурной головы, что-то еще беспокоит?

– Нормально все. Только похоже, что приложилась я серьезно. Жаль, сама себя не могу обследовать! Илья, мне надо жемчуг приготовить – поможешь?

– Что надо сделать? – с готовностью подхватился я.

– Надо маленький кусочек развести – только он в воде не растворяется.

– Спирт?

– Да. Но где ты его возьмешь?

– Ты поваляйся пока здесь, а я найду, где взять.

Я осмотрелся. Место, где лежала девушка, было в глубокой дырявой тени крон грандиозных деревьев. Я достал воду из своего рюкзака и поставил рядом с Аной. После чего, не тратя время на разговоры, направился вниз. Сейчас я был настроен очень решительно. Спирт на планете прекрасно знали. Множество разнообразных местных растений служили сырьем для изготовления муки и крахмала. Переселенцы не принесли сюда никаких земных растений, а, может быть, те, просто, не прижились здесь – не важно. Но местная растительность оказалась вполне съедобной не только для домашних животных, но и для людей. Никаких фруктов или овощей эти растения не производили, но сердцевины стволов некоторых из них оказались богаты крахмалом и белком. Весь местный хлеб, если его можно так назвать, производился на основе инопланетной жизни. На вкус он, конечно, отли-

чался от земного и напоминал лепешки из кукурузной муки или еще из чего-то экзотичного, но меня вполне устраивал. Если вы печете хлеб, какого бы происхождения он не был, то вы обречены столкнуться со спиртом. Раствор орешка, обладая похожими на алкоголь свойствами, не оставлял тяжелого нарушения в обмене веществ после своего употребления – похмелья. Поэтому, местные спирт использовали исключительно в технических целях, считая его ядом для человека. Мне нужно было найти лавку, где бы выпекали лепешки – если там и не держали запаса спирта, то, по крайней мере, могли подсказать, где его найти. В крайнем случае, я надеялся, что мне поможет та продавщица с рынка, у которой Ана и купила жемчуг.

Жизнь внизу шла своим чередом. Похоже, здесь никто и не догадывался какие баталии только что шли у них над головой. Люди замечали мой возбужденный вид, но с расспросами никто не лез. Мое состояние нормализовалось, ноги больше не заплетались, не мутило, только оставался слабый звон в ушах на пороге слышимости. Я все-же осмотрел себя: кроме того, что одежда была вся в бетонной серой пыли – ничего необычного. Отряхнувшись, я свернул на улицу, ведущую к рынку, и тут-же почувствовал нужный мне запах.

Пятнадцать минут спустя я уже вновь сидел рядом с Анной, вооруженный здоровенной бутылкой спирта – немного мутного, пованивающего сивухой, но горячего, что мне продемонстрировал лавочник, когда я усомнился в качестве про-

дукта.

– Что это? – вытаращилась девушка на бутыль.

– Это оно! – с непонятным для нее оттенком в голосе, сообщил я.

– Ладно. Самый маленький шарик разрежь ножом на четыре части. Одну разведи в этом «оно» на дне кружки и дай мне потом. Остальное – вылей, чтобы не воняло.

– Вот, блин, женщина. Она даже не знает для чего это, но уже требует вылить. Наверное, это что-то генетическое!

Девушка мой шуточный тон не приняла – видимо ей и правда было нехорошо. Забрав у меня кружку с мутным пованивающим раствором, она, закрыв глаза, замерла, зажав последнюю между колен. Я с изумлением наблюдал за тем, что происходило на дне – сначала раствор, как будто, вскипел, затем успокоился, расслоившись на две части, опять зашипел покрываясь белой коркой, корка растаяла и от остатков на дне пошел густой пар. Еще несколько превращений и на дне образовался желтовато-белый тоненький слой осадка.

– Добавь, пожалуйста, воды, – попросила скелле, я торопливо выполнил ее просьбу.

Ана поболтала кружкой, растворяя неизвестное мне содержимое, и выпила.

– И чего теперь? – спросил я.

– Не знаю. Но, похоже, что наши каникулы закончились. Куда ты там собирался дальше?

– Я не про это. Когда твоё лекарство подействует? И на-

сколько? Мне машину сюда пригонять или ты пойдешь наверх? Как ты вообще себя чувствуешь?

– Хватит тараторить, – прервала меня девушка, оставаясь сосредоточенной, – Мы пойдем наверх – мне гораздо лучше. Но твои земные врачи правы – постельный режим был бы очень кстати.

По дну длинной извилистой долины бежала сверкающая белой пеной на солнце река. Сама долина была глубокая и узкая – неширокое ложе виляющей по сторонам реки сменялось крутыми заросшими лесом склонами. Как и везде на Мау лес только казался сообществом отдельных растений – хотя, в принципе, так и было, только каждое растение могло занимать несколько гектар, заполняя это пространство своими отростками. Поэтому горные склоны, обрамлявшие ущелье, все время меняли свой цвет. Вот, слева от нас черно-бурый лес с мелькающими в глубине янтарно-желтыми стволами, а справа – серебристый, напоминающий пуховое одеяло. Минута, и вся долина покрыта этим пухом, только высоко по краю левой стены тянется совсем уже черная непрерывная полоса. Еще миг и серебро сменяется тусклой голубоватой серостью чего-то похожего на земные ели.

Ущелье постепенно повышалось, упираясь далеко впереди в настоящие горные вершины. Все это было накрыто почти земным темно-синим небом с редкими клочками облаков. За нашей спиной остался океан и башни негостеприимного Эстру. Пришлось провести там еще целый день, проверяя самолет, готовясь к новому короткому путешествию и давая скелле возможность немного прийти в себя. Нашу башню мы оставили как было, перелетев на крайнее невысо-

кое здание вдали от нового города. Новое пристанище оказалось гораздо более разрушенным, мне с трудом удалось найти уцелевшие лестничные марши, чтобы спуститься вниз. Осознание того, что неподалеку, под открытым небом, на пыльном бетоне крыши скелета древнего небоскреба, лежат трупы убитых мною молодых женщин, сделало два дня вынужденной задержки довольно тоскливыми. Несмотря на то, что погода, особенно после вечных дождей и туманов Облачного края, стояла роскошная, а город внизу даже не заметил событий у края неба, наслаждаться морем было невыносимо.

Сам я чувствовал себя совершенно здоровым, кроме того, что по какой-то причине, постоянно ощущал тихий звон в ушах и периодически накатывали тактильные галлюцинации – мне казалось, что меня задевают метелки невидимого одуванчика. Ана осмотрела меня и сказала, что ничего страшного не видит. Мы предположили, что это последствия воздействия магии скелле, которая меня почти убила. Сама девушка после стычки стала задумчивая и молчаливая, и неохотно реагировала на мои попытки взбодрить ее. Меня это беспокоило гораздо больше, чем шум в ушах, так как я знал, что, если женщина молчит, значит – она думает. А это всегда страшно, потому что, если она молчит, то ты никогда не узнаешь, что она задумала, пока она не сделает это.

Из ведра дул прохладный воздух. Я набрал высоту и вдали стали заметны строения монастыря физиков. Сужавшееся ущелье взбиралось дальше к основаниям горных хреб-

тов, огибая невысокий скалистый холм, на котором рассыпались ярко-белые строения жилищ монахов. На самой макушке выделялись несколько зданий очевидно построенные еще древними – большой округлый купол центрального из них возвышался над холмом и ущельем в целом. Я убрал тягу, и машина зависла, медленно дрейфуя – надо было искать место для посадки. Сесть на крышу здания, чтобы потом появиться как будто из ниоткуда, тут было невозможно. Можно было совершить посадку внизу, на краю русла реки, но в таком случае, нам предстояло искать тропу, по которой ходили монахи – не факт, что она проложена по дну ущелья. Наконец, мы могли открыто приземлиться среди строений – рядом с древними зданиями была достаточно большая площадка, которую я сейчас пытался осмотреть через подзорную трубу. Немного посоветовавшись, мы решили, что нам уже надоело прятаться, тем более что поголовье скелле в этих местах, мы, похоже, существенно проредили.

К площадке рядом со строением, увенчанным большим куполом, мы подобрались практически незамеченными, но, когда я завис над ней, принаравливаясь к ветру и зданиям, на пространстве внизу появилось множество людей – некоторые показывали на самолет, кто-то призывно размахивал руками, большинство беспорядочно перемещались по площадке препятствуя посадке. Я в очередной раз пожалел, что не предусмотрел окно, или хотя бы люк в полу пилотской кабины – ориентироваться было необыкновенно трудно, при-

ходилось крутится на месте, чтобы осмотреться. Учитывая, что надо было удерживать машину против ветра, вертеться приходилось и в прямом, и в переносном смыслах.

Когда мы выскочили из кабины самолета, нас уже встречало множество людей – все они были однотипно одеты в уже знакомые нам то-ли рубашки, то-ли халаты, однако тройка протиснувшаяся непосредственно к нам отличалась оранжевой полосой по краю одежды и упитанным телосложением. Мазнув глазами по девушке, встречавшие почтительно поклонились:

– Госпожа.

Так, похоже, что эти с полосками и есть видящие. Ана стояла, рассматривая встречающих и не демонстрировала не малейшего желания отвечать им. Ну, да – здороваться здесь не принято, а разговаривать со всякими, там, видящими, для скелле – западло. Пришлось вступать в разговор мне:

– Здравствуйте, уважаемые.

Видящие распрямились и вопросительно уставились на меня.

– Мы слышали, что ваша община, сознавая свою ответственность перед богами, ищет пути найти утерянное – новую физику. Меня несколько волнует возможность предстать перед богами в ответе за то, о чем я не имею ни малейшего понятия. Надеюсь, что вы не откажете мне в праве разобраться, что мы потеряли и что должны найти.

Монахи замерли в полной тишине, стараясь расслышать, о

чем я говорю. Самый упитанный из них, с достоинством выступавший с оранжевой полосой по краю своей длинной хламиды, прокашлялся и почти торжественно, при этом глазки его были весьма беспокойны, ответил:

– Это наш долг, странник. – немного пожевал губами и добавил, обращаясь к Ане, – При всем уважении, скелле, мы должны заметить, что устав нашей общины не позволяет посторонним оставаться на территории монастыря ночью. Мы не можем сопротивляться вашей воле, но, вы должны понимать, что скелле с запада здесь не . . . , – он замялся, опасаясь, по-видимому, задеть как-то девушку, но та его перебила:

– Не переживайте. Никто вас не побеспокоит. А мы улетим, как только посчитаем нужным.

Тройка попыталась поклониться, не отводя глаз от скелле, но страх все-же пересилил и крайний из них, относительно стройный, пробормотал:

– Простите, мы просто хотим избежать неприятностей с нашими скелле.

– Не могу обещать за ваших, но обещаю, что мы улетим раньше, чем они появятся здесь.

Тройка дружно завершила поклон. Я решил, что церемоний с меня достаточно:

– Насколько я понимаю, ваш устав требует просвещать любого ищущего утерянное?

– Так. – кивнул стройный.

– Не противоречат ли ваши поиски запрету скелле на

древнее наследие?

Монахи переглянулись. Заговорил вновь тот, который стоял в центре:

– Наш орден древнее Скелле, при всем уважении к ним, – он поклонился в сторону Аны, – Наши основатели говорили с богами и те сообщили нам многое. Ничто из их наследия скелле никогда не запрещали. Вы, – он опять посмотрел на Ану, – знаете, что боги реальны и, что когда они вернутся, то спросят со всех, включая скелле. Одно – постыдные творения извращенного разума древних – тут он невольно посмотрел на самолет, смутился и продолжил уже не так уверенно, глядя в сторону, – Другое – наследие.

Меня начала утомлять публичная дипломатия. За спиной видящих толпились десятки монахов. Их лица с любопытством выглядывали из-за плеч, слышались перешептывания, когда они передавали сказанное тем, кто стоял сзади. Там, постоянно перемещались и даже подпрыгивали, стараясь разглядеть, что происходит, самые несчастные, которым не повезло оказаться в задних рядах. Некоторые самые любознательные уже прильнули к лобовому остеклению кабины, всматриваясь в темноту салона. Надо было как-то выбираться из толпы, упорядочить общение. Я прекрасно понимал, что публично всегда говорится только то, что желает публика, что считается выверенным канонем. Но меня он совершенно не интересовал. Меня интересовало, что они знают о «новой физике» и где, как они предполагают, лежит

«дорога поиска утраченного».

– Давайте, не тратить времени. Не могли бы вы, любезные, выделить нам знающего монаха, который бы ответил на наши вопросы?

Троица переглянулась, тот, который был с другого края от условно стройного, стал что-то шептать главному. В глубине толпы все это время выделялось одно лицо – бледный парень, с чертами выходца с Мау, неотрывно смотрел на меня, по-моему, даже не обращая внимания на Ану. Услышав мои слова, он встрепенулся и протиснулся к стройному. Видящие, похоже, обрадовались его появлению, и крайний из них тут-же объявил:

– Вот. Брат Виutih ответит на ваши вопросы.

Я кивнул, – Прекрасно! Спасибо за уделенное нам внимание.

Нисколько не смущаясь, я взял этого Виutihа за локоть и стал протискиваться сквозь строй любопытных. Неожиданно, толпа расступилась и даже показалось, стала рассеиваться – следом за нами молчаливой угрожающей фигурой двинулась скелле.

– Брат Виutih, где бы нам поговорить без лишних свидетелей?

Монах очнулся, выдрал свою руку из моей хватки и оглядевшись, негромко сказал:

– Пойдемте в беседку на скале. – и показал рукой направление.

Я оглянулся на Ану. Девушка оставалась безучастной и задумчивой. Мне это не нравилось, но в данный момент разбираться с нюансами ее настроения было не с руки, поэтому, я просто спросил:

– Так значит, ты знаешь, что боги реальны?

Ана фыркнула и скривилась, но ничего не ответила. Некоторое время мы шли по склону удаляясь от здания с куполом.

– Древние верили, что они реальны, если уж начали войну из-за этого. Только, вот, я, что-то, ни одного не видела и не слышала, как и все ныне живущие скелле. – раздался сзади голос девушки.

Я оглянулся. К счастью, за нами никого не было. Значит, есть надежда спокойно побеседовать с этим монахом – может, наведет на что-нибудь.

Я еще по опыту постройки первого самолета знал, что здесь есть очень темная почти черного цвета древесина, которую я использовал для силового набора. Была она очень прочная и не требовала никакой покраски, по-видимому, от рождения богатая каким-то полимером или смолой. Перила, стойки и балки из этого дерева составляли основу конструкции небольшой беседки, которая оформляла крохотный балкончик, нависавший над скалистым обрывом. Внизу, под скалой, шумела река, но ее не было видно под склоном – лишь кусочек неширокого каменистого ложа и противоположный склон ущелья, густо поросший, похожим на

ели, серо-голубым лесом. Крышу беседки накрывала плотная ткань, похожая на выгоревшую на солнце парусину. Она негромко хлопала, плохо закрепленная, под несильным ветром, дувшим с гор. В теплом, местами жарком и душном, местном климате – это место казалось райским уголком. Слева от нас, над тропой по которой мы спустились сюда, виднелся купол здания древних. Справа, за небольшим провалом, теснились небольшие светлые домики, по-видимому, служившие жилищем для рядовых монахов. Солнце, в отличии от Облачного края, сияло во всем своем слепящем блеске и тень навеса вместе с прохладным ветерком были настоящим благословением.

Мы молча расселись. Монах, почему-то выглядел взволнованным, обращая на меня больше внимания, чем на скелле, что выглядело странно. Наконец, он не выдержал:

– Скажите, а почему вы сказали брату Урсу, что дома нас не ждут? – он уставился на меня с крайним вниманием.

– Как ты сказал? Урсу? – переспросила Ана.

Монах лишь мельком посмотрел на нее, – Ну, да. Урсу.

Девушка не стала продолжать, о чем-то вновь задумавшись. Я и сам задумался, что ответить явно взбудораженному моими необдуманными словами монаху.

– Ну, подумайте сами. Прошло столько времени – я думаю, что несколько тысяч лет, как минимум. Там, где, как вы считаете, дом, там живут другие люди, которые, конечно, всегда рады гостям, но гостям, а не новым хозяевам.

Монах продолжал всматриваться в мое лицо и затем выдал:

– Вы ведь не мун. У нас тут есть братья из мун. У них, кроме волос на лице, ничего общего с вами нет.

Я решил развернуть направление нашей беседы. Собираясь устроить допрос этому монаху, я совсем не рассчитывал на то, что допрашивать начнут меня.

– Давайте вернемся к «новой физике». Расскажите, что вы называете этим термином, что вы об этом знаете?

Парень откинулся на спинку и повернув голову уставился на долину. Немного помолчав, он обернулся ко мне, как мне показалось на что-то решившись.

– Ну, про богов, наследие и дорогу домой я вам рассказывать не буду – полагаю, вы и сами все знаете.

Я его перебил, – Нет, не знаю. Но, допустим.

– «Новая физика» – это теория устройства материи, которую никто никому не дарил, ее разработал такой древний ученый по имени – Артхам.

Я не выдержал, – А, Зеос?

Монах криво усмехнулся, но продолжил:

– Зеос – это имя бога, который, якобы, говорил с Артхамом. По другой истории – это жрец, который отвечал за общение с богами и через которого они говорили с Артхамом. Я про это ничего не знаю. Я твердо знаю, что все основные положения «новой физики» были изложены в работах Артхама и, никаких упоминаний Зеоса там не было.

– Ты это сказал так, как если бы читал их.

Парень помялся, нахмурился и продолжил:

– Все книги уничтожены. Теория передается, точнее передавалась, устно среди посвященных монахов нашего ордена.

– Если, хотя бы устно, теория уцелела, то о каком наследии идет речь? Зачем искать, то, что не утеряно?

– В том то и дело, что уцелела только общая теоретическая часть. Да и та вызывает сомнения в достоверности. У нас нет реальной математики древних, а без нее теория – это пустые умствования.

– Хорошо. Насколько я понимаю, братия ставит своей целью восстановить эту математику. Зачем? Только не рассказывай мне про богов!

Виутих недовольно оглянулся на тропу, по которой мы пришли, наклонился вперед, уперся локтями в колени и сцепил руки в замок:

– Никакой задачи она уже давно не ставит. Когда-то давно, сразу после Второго поворота, задача была сохранить знания и закончить проект древних.

– Ты имеешь в виду «Дорогу домой»?⁷

– Ну, да. – парень кивнул, – Тогда здесь жить было не очень сладко, насколько я понимаю, и некоторые надеялись удрать в мир, из которого мы пришли. Те люди еще помнили

⁷ «Дорога домой» – перевод с языка древних названия грандиозного проекта с неясными целями по созданию устройства для путешествия между мирами, в частности между Мау и Землей. Благодаря остаточной активности сооружений этого проекта, по-видимому, Илья попал на Мау.

прежнюю жизнь. Они пытались сохранить хотя бы кусочки древнего наследия.

Я немного помялся, но решил быть откровенным:

– А ты в курсе, что проект был завершен?

– Конечно. Это общеизвестно. Точнее, было общеизвестно. Только что толку от него, если не осталось людей, которые знают, как им пользоваться?

Он внимательно посмотрел на меня, но больше ничего не сказал.

Я помолчал, посмотрел на Ану. Та сидела безучастная, хотя, похоже, внимательно слушала нас. Показалось, что стало жарче, навес хлопнул полотном, ветерок вернул кусочек прохлады.

– Вы понимаете, что в город, за скелле, послали гонца еще до того, как вы опустились? – спокойно продолжил Виутих.

Ана криво усмехнулась. Я вздохнул:

– Я не понимаю другого. То, что ты говоришь, я уверен, ни капли не похоже на то, что ты должен говорить. Где сказки про гнев богов? Где сказки про их дары? Вот, объясни мне, что ты хочешь? – я ткнул пальцем в направлении монаха.

Виутих выпрямился, его лицо успокоилось, он смотрел на меня как человек, принявший решение:

– Заберите меня.

– В смысле? – я непонимающе поднял бровь. Ана, безучастно рассматривавшая склон ущелья напротив, повернулась к монаху.

– Ты, что, кусок колбасы? Что значит, заберите меня? Куда забрать? Зачем? – я еще долго собирался перечислять вопросы, которые теснились у меня в голове, но монах перебил меня:

– Я объясню. – он оглянулся на тропу, помялся и продолжил, – У меня был учитель. Он умер три месяца назад. Я думаю, что он последний, кто помнил, чему на самом деле мы должны были служить. Все, что я знаю по новой физике, рассказал мне он. И показал кое-что. Кроме меня здесь нет никого, кто вообще интересуется этим. Вот, та троица, которая вас встречала, это наши видящие. Им ничего не нужно – у них есть все, что они пожелают. Любые поиски, любое любопытство по отношению к знаниям древних – это потенциальные проблемы со скелле, – Виутих быстро посмотрел на Ану и отвернулся, – Так, зачем им проблемы?

– Ну, и зачем ты нам?

Парень, все также наклонившись вперед, внимательно смотрел на меня:

– То, что вы не мун – очевидно. И вы – никакой не метис. Я думаю, что вы ищете ответы на те-же вопросы, что и я. Для этого вы сюда и явились. Меня учили логике, я умею складывать два плюс два. И я уверен, вы тоже ищете дорогу домой, но не для того, чтобы убежать, а для того, чтобы вернуться.

Я был совершенно ошарашен его прозорливостью. Большинство людей здесь, как я думал, вообще бы не поверило,

расскажи я им мою истинную историю. Этот парень видел меня первый раз в жизни, но уже раскусил, хотя и не догадывался о моих истинных мотивах. Его способность делать правильные выводы из таких незначительных данных – восхищала. Однако, несмотря на это, просьба «забрать его» выглядела сомнительно. Что мне с ним делать? Нянчиться и заботиться?

Пауза затянулась и, что удивительно, молодой монах вновь сделал правильный вывод:

– Не надо меня возить, как колбасу. Я ведь последний, кто знает, хоть что-нибудь. Вы можете меня проверить.

Он замолчал, вопросительно глядя на меня. На скелле он сейчас не обращал никакого внимания. Я подумал, в конце концов, я же летел сюда задавать вопросы, так почему бы не воспользоваться возможностью?

– Ну, хорошо. Вот скажи, если события образуются случайной комбинацией элементов, то почему же реальный мир не выглядит полным хаосом? Ведь, в любой момент, любая пара элементов может с равной вероятностью образовать событие.

Ана повернулась ко мне с недоумевающим видом. В отличие от нее Виутих, видимо, несколько расслабился, откинулся назад, вновь оглянувшись на тропинку – на той по-прежнему никого не было видно. Глубоко вздохнув, он заговорил уже спокойно и уверенно:

– Учитель говорил, что, работая с ультимативной моде-

лю, нельзя пользоваться словами, не давая им определения, которое следовало бы из этой модели.

Ана фыркнула, я нахмурился, пытаюсь понять парня. Тот догадался, что перегнул палку и начал торопливо и много-словно объясняться:

– Ну, вы же понимаете, что любое наше слово – это обозначение какого-то объекта или его качества в нашем сознании. А если мы собираемся строить мир от начала, от простого набора элементов, то мы не можем к нему применять обозначения из другой теории, из другого опыта, если только прямо не определили их связь с моделью. Вот, например, время. В модели новой физики его нет. Точнее, нет времени, такого как оно воспринимается нами в каждодневном опыте. Там время – это просто последовательный ряд событий. Нельзя, например, сказать, что между одним событием и следующим за ним прошло сколько-нибудь времени. Потому, что есть, просто, два последовательных события и между ними ничего нет и быть не может. В этой модели – события и есть время.

Я решил вернуть его ближе к теме моего вопроса:

– Так все-же, почему мы не видим хаоса вокруг?

– Если коротко, то потому, что события образуются элементами только один раз. – он посмотрел на наши непонимающие лица и добавил, – каждый элемент от начала, в силу того, что он отличается от другого, имеет потенциальную возможность образовать с ним событие, и, так как ничего

другого в этой модели вообще больше не происходит, то рано или поздно, такое событие происходит. Причем, когда я говорю рано или поздно, то я имею в виду лишь место этого события в общей последовательности. С точки зрения элементов они просто образуют события с другими элементами. Когда, рано или поздно, таких вопросов не стоит, потому что, ничего другого, в том числе и времени отличного от определенного, как цепь событий, там нет.

– Ну и почему бы элементу не образовать событие с другим элементом повторно? В модели ведь нет никаких запретов?

– Нет. Ключевое слово здесь – причина. Для него в этой модели есть свое определение, но мы проговорим тогда до самого вечера, поэтому я по верхам, с вашего позволения. Иероглиф «причина», как вы, мне кажется, знаете, имеет и другое значение – «сила». Люди думают, что это разные вещи и удивляются, почему у них один и тот-же знак. Но, на самом деле, это одно и то же. Для изменения движения чего бы то ни было, в стандартной модели, требуется воздействие на объект, которое обозначается этим символом. Иными словами, чтобы движение изменилось, нужна причина для этого, или, другими словами, сила. Для того чтобы элементы повторно образовали уже один раз реализованное событие тоже нужна причина. А ее в модели – нет.

Виутих на какое-то время замолчал, как бы подыскивая слова, и продолжил, размахивая руками:

– В этой модели каждый элемент – законченный объект, существующий в собственном мире. Это как, если бы каждый из них определял собственное измерение в многомерном пространстве. Двигаясь или существуя в своем измерении, каждый из них от рождения имеет вероятность пересечься один раз с одним другим, но не имеет никаких причин, чтобы изменять свое движение или существование так, чтобы вновь встретиться с элементом-партнером еще раз.

Парень замолчал, разведя руками. Ана встрепенулась и неожиданно заявила:

– Вы тут наслаждайтесь общением, а я прогуляюсь немного.

Виутих вскочил, заволновался:

– Я, вообще-то, должен сопровождать вас.

– Куда? – усмехнулась Ана.

– Ну, ..., – мялся парень

– Сиди здесь. – это уже был приказ, что мы оба отчетливо почувствовали.

Я тоже вскочил и некоторое время мы молча в некоторой растерянности, хотя и по разным причинам, смотрели вслед неспеша уходящей девушки.

Также стоя, я спросил монаха:

– Выходит, что если число элементов конечно, то и существование вселенной тоже.

Виутих пожал плечами, повернувшись ко мне:

– В модели – оно конечно. Если я правильно понял учи-

теля, то это число имеет ключевое значение при исчислении масштабных коэффициентов.

– Каких коэффициентов? – периодически я переставал его понимать.

– Ну, по большому счету, вся теория сводится к объяснению наблюдаемых нами явлений. А значит необходимо привести меры измерения к общим определителям. Ну, там, сколько событий составляет одна секунда, или сколько событий составляет один грамм и так далее. И общее число элементов при этом присутствует во всех формулах.

– Ну, хорошо. – я опять вздохнул, – Я признаю, что хотел бы услышать и записать все, что тебе рассказал учитель. Но, что хочешь ты? Зачем тебе следовать за нами? Ты даже не представляешь, что мы собираемся делать, – тут я помолчал, – Мы и сами этого не представляем.

Виутих смотрел твердо, – Вы знаете, что источником событий с разорванным потоком, – я вновь сделал удивленно-вопросительное лицо, – Ну, представьте себе, что на цепи событий, принадлежащих одному элементу, события происходят реже, чем в среднем по вселенной. Такая цепь, неуравновешенна и для нее наступление следующего события является частью группового события с очень высокой вероятностью. – он подвигал лицом, скривился и продолжил с таким видом, как будто надо объяснить, что-то сложное ребенку, – На самом деле все наоборот, но для нас это выглядит так, как если отобрать все такие цепи событий, то в нашем

мире они соберутся в один объект, и при определенном градиенте, этот объект называется – темная звезда.

– Черная дыра. – сказал я задумчиво.

– Что? Черная дыра? Это у вас так ее называют?

Я его перебил, – И что там с черной дырой?

Виутих странно посмотрел на меня, как если бы начал сомневаться в том, кому доверился, но ответил твердо:

– Темная звезда, да и дом наших предков, отсюда, из этого полушария не видны.

По его голосу я догадался, что он считает – только что он сказал мне что-то очень важное.

– И?

Но парень вместо ответа, потянул меня по тропе:

– Пойдемте, я покажу вам, что я хочу.

Солнце основательно припекало и становился понятен выбор древними этого места, отдаленного от побережья. Приятный прохладный ветер тек вдоль русла ущелья, обдувая холм с ветхими строениями. На площадке, залитой солнцем, стоял наш самолет, рядом крутилась пара монахов, занятых подметанием – вот только убираться они почему-то старались все время неподалеку от нашей летающей машины. Аны нигде не было. Увидев нас, монахи зашуршали метлами еще старательней, впрочем, не торопясь отдаляться от центра площадки. Виутих осмотрелся и не обнаружив никого, кто мог бы помешать его замыслу, повел меня прямо к самому большому строению, увенчанному полусферическим куполом.

Когда-то это было впечатляющее сооружение – его размеры до сих пор заставляли уважительно относиться к строителям, однако общий ободранный вид не оставлял сомнений, что здание уже давно позабыло свои лучшие времена. На основании в виде массивного прямоугольника возвышался купол, единственным предназначением которого, судя по его виду, было служить крышей для обширного зала внизу. Никаких окон не было, хотя имелись четыре входа по сторонам основания, окруженного не сохранившейся теперь галереей – остался лишь козырек крыши, бывший частью кон-

струкции прямоугольника, на котором виднелись следы когда-то украшавшей его колоннады. Под ногами поскрипывали кусочки бетона от разрушенных элементов зданий, которые монахи использовали для отсыпания дорожек.

Виutih вел меня прямо к ближайшему входу. Широкий проход, когда-то должен был перекрываться огромными дверьми – сейчас это был просто огромный прямоугольный проем с истерзанными временем краями. Внутри обнаружился просторный коридор с боковыми ответвлениями, ведущий вглубь здания.

– Одну секунду. – бросил Виutih, ныряя в ближайший ко входу.

Я замер, привыкая к полумраку. По коридору гулял сквозняк и было ясно, что все входы находятся в таком же состоянии. Ничего примечательного – только гладкие, похоже, бетонные стены и невысокий потолок, пыльный пол и мусор. В проеме ведущем вглубь здания был виден, ярким пучком света, выход на противоположной стороне – он казался таким далеким, как будто зал внутри был намного больше, чем выглядел снаружи. Скрипнул песок у входа, чья-та тень протянулась по полу к моим ногам. Я узнал Ану.

– А где твой новый друг? – спросила она.

Вопрос показался несколько странным, но отвечать мне не пришлось – в боковом помещении что-то загремело, раздался непонятный шум и тихие ругательства. Из темноты в коридор вывалился Виutih, вооруженный длинным бамбу-

ковым шестом и факелом. Он заозирался, рассмотрел скелле и смутился:

– Две минуты. Привяжу факел только.

– Зачем? – спросила девушка.

– Мне посветить надо, – бормотал монах, пытаясь привязать факел к шесту, – Высоко там, света не хватит.

Ана фыркнула и яркий светящийся шарик повис между нами. Я вытаращился в удивлении – пыльный грязный проход, в котором мы стояли, был выстлан неброской сине-белой мозаикой, напоминающей океан сверху. Все это великолепие, которое должно было сверкать, как морская гладь под светом солнца, томилось под слоем пыли и мусора, и лишь неширокая тропа посреди прохода блестела, как живой ручей.

Негромко стукнул шест, выроненный Виутихом. Девушка, не торопясь с достоинством прошла мимо, пока я пытался расчистить еще немного пола. Яркий шарик нырнул в дальний проход и пропал, следом за ним растворилась фигурка скелле – темнота зала легко справилась со слабым светлячком, поглотив его. Мы поспешили следом.

Ана стояла недалеко от входа – свет шарика терялся во тьме наверху, освещая лишь небольшое пятно на краю которого стояла девушка. Мозаика пола на изменилась – наверное, древние добивались эффекта парения над океаном, но теперь их замысел погиб под слоем пыли и грязи. Рядом проскрипел шагами по пыльному полу монах, остановился и

попросил почти шепотом, почему-то, меня:

– Надо свет ярче сделать и повыше.

Ана прекрасно слышала его, и светлячок, вспыхнув нестерпимым ослепительным белым светом, рванул в центр огромного зала. Я прикрыл ладонью глаза и замер, переживая ослепление. Когда, наконец-то, я смог осмотреться, то оторопел от восторга открытия.

Я уже не первый год на Мау, но еще ни разу не видел каких бы то ни было карт или чего-то подобного. Я уже думал, что карт, вообще, возможно, не было в местной культуре, хотя это и было странно. И вот, надо мной висела половина планеты, как-бы вывернутая наизнанку. Как если бы я смотрел на ее поверхность из центра, от ядра. Судя по моим представлениям о местной географии, северный и южный полюса располагались на краю полусферы, сориентированные по направлению сторон света. Только тут я понял, что проходы в здание тоже располагались по сторонам света и мы вошли в зал через западный. Второй половины планеты, естественно, не было, но оба известные мне материка разместились на той, что над головой. Более того, в зените, в самой вершине купола, располагалось, насколько я мог судить, именно это место. Оттуда, над нашими головами спускался к западному краю огромный материк – Мау. Он был изображен, как-бы на просвет. То есть, древние художники отразили планету с видом изнутри, и сейчас я стоял где-то, глубоко погруженный в мантию, под восточным материком. Никогда мной не видан-

ный западный занимал весь противоположный край купола. В такой проекции его следовало бы назвать восточным.

Задрав голову, я двинулся, не глядя под ноги, в центр зала. Рядом шуршали шаги моих спутников. Ни к кому, конкретно, не обращаясь я спросил:

– Второй материк, как он был до катастрофы?

– Да. – ответила Ана.

– Обалдеть! – я опомнился и начал судорожно сдерживать рюкзак, чтобы достать земное чудо техники – планшет. Надо непременно заснять все это. Виutih, может даже и не подозревая, только что сделал мне грандиозный подарок. Мое земное сознание все эти годы страдало, пытаюсь создать картину мира, куда я невольно попал. И теперь я, наконец-то, нашел точку опоры. Детализация карты потрясала – купол имел не менее пятидесяти метров в диаметре, и вся эта гигантская невообразимая поверхность была аккуратно покрыта подробнейшей картой. Я уже заметил множество островов, о которых ничего не слышал раньше, пятна городов, от которых скорее всего мало что осталось теперь, густую сеть рек, особенно на западе Мау.

Я метался по громадному залу пытаюсь зафиксировать все, заснять с максимально возможным увеличением, когда натолкнулся на взгляд монаха. Тот, видимо, уже много раз видел эту карту и теперь внимательно смотрел, как я методично обхожу зал выставив над головой непонятный загадочный прямоугольник. Очевидно, что невольно, я подтвер-

дил какие-то его догадки, пусть даже они и был ложными. Тем не менее, я решил, не обращая на него внимания, закончить начатое.

Ана сдвинулась на запад и рассматривала место, где должно было располагаться поместье ее отца – ее дом. На краю грандиозной реки рядом с этим местом карту пачкала клякса большого города – возможно, именно его останки мы и видели после нашего возвращения. Возбужденный открытием, я не обратил большого внимания на это. Формы континентов оказались совсем не такими, как я их себе представлял, хотя и совпадали в общих чертах. Оба континента были вытянуты с севера на юг и я, как выяснилось, пересек восточный в его не самом широком месте. Две горные системы сходились в этом там в одной точке, лежащей прямо на берегу океана. К северу и югу они отступали на запад, оставляя большие участки суши. Восточная часть континента оказалась намного больше, чем я думал.

– Виутих, если это, то, что ты собирался мне показать, то спасибо тебе! Это грандиозно! – воскликнул я в восторге.

– Я вас привел сюда не за этим. – откликнулся тот.

Я оторвался от созерцания мира над головой. Монах стоял в стороне, наблюдая за мной.

– И что ты хотел показать?

Виутих молча поднял руку вертикально вверх. Над ним на куполе, ниже экватора был изображен небольшой остров. Точнее, несколько крохотных и один более-менее прилич-

ный по размеру. Располагался тот на восток от нашего континента. Надо сказать, что обе массы суши этой планеты располагались со смещением к северу, так что ниже экватора у них торчали совсем небольшие участки. В южной полусфере было всего несколько групп островов, и пустота и безграничность океана в этой части карты пугали.

– И что там? – спросил я.

Ана тоже подошла к нам и смотрела на крохотную козявку на далеком потолке.

Виутих посмотрел наверх, на Ану и повернулся ко мне:

– И темная звезда и дом предков не видны из северного полушария. – он замолчал.

Мы смотрели на него, ожидая продолжения.

Наконец, мне надоело играть в молчанку:

– Обсерватория?

Монах кивнул:

– На этом острове, единственном в южном полушарии, есть высокие горы, точнее группа древних вулканов. И именно там древние построили школу, где наблюдали за темной звездой и, – монах замялся, но продолжил, – Домом. Там же и готовились решения по использованию проекта «Дорога домой».

– Что значит – готовились решения?

– Прежде чем послать снаряд, надо прицелиться. Грубо говоря, там целились. Учитель говорил, что там вообще собрались все те, кто реально понимал, что и как делать.

– Ну, хорошо, допустим. И зачем ты это хотел нам показать?

– Там, после катастрофы, уже никогда никого не было. Там должно было сохраниться все, чему только позволило время.

– Не факт. – задумчиво глядя на потолок, ответил я.

– Так сказал учитель. – твердо, как будто это проверенная истина, заявил монах.

Я опять опустил взгляд, – Если, это так, то это сокровище. И хотя я боюсь, что найду там только пустой океан или остров с развалинами, но у меня нет другого выбора – надо проверить.

– Вы обещали! – Виутих заволновался.

– Не помню такого. – подразнил я его.

– Я хочу есть! – диссонансом прозвучали слова девушки.

Я повернулся к скелле. Та щелкнула пальцами и свет померк. Глаза, привыкшие к яркому светляку, вновь оказались обмануты. В кромешной тьме были слышны уверенные шаги скелле, направившейся на выход. Не обладая ее талантами, мы были вынуждены ждать, пока зрение приспособится к слабому свету из проходов.

– И как тебе это видится? – обратился я в полной тьме к парню.

– Вы про остров? – догадался тот.

– Ну да? – ответил я, закрывая глаза в надежде, что так они быстрее восстановятся.

– У вас же есть летающая штука! – пробубнил голос из темноты.

Я вздохнул, – Летающая штука туда не долетит. Точнее, может и долетит, только не найдет остров. Как тебе это видится, искать остров посреди океана, не имея ничего, кроме компаса. Хорошо еще, что у нас есть надежные часы, – сказал я, думая о планшете.

Помолчали. Можно было уже выбираться из пустого и темного зала, но что-то держало. Я думал.

– Слушай, Виутих, а ваши моряки, я слышал, пользуются специальными магическими маяками, которые всегда показывают направление на точку, где их настроили. Так?

– В том то и дело, что на точку, где их настроили. На этом острове никого не было сотни лет – кто там маяк будет настраивать?

– Да и не надо. Возьмем один маяк – настроенный на какой-то порт здесь, другой – на порт на западном континенте, – я посмотрел вверх в темноту, – Или восточном. По углу легко вычислим, где мы находимся. Вопрос только в точности – а то, можно ошибиться всего лишь в пару сотен километров и никогда не узнать этого.

– Точно! Как же я не догадался? – монах был в восторге.

– Ты раньше времени не радуйся. Прежде чем лезть в океан, надо много чего приготовить, построить, проверить. – я опять вздохнул, – Где бы на это время раздобыть и место?

6

Провожавшая нас троица явно волновалась и было ясно от чего – гонец, отправленный за скелле еще утром, не вернулся, удержать нас не было никакой возможности, и видящим мерещилась перспектива объяснений с орденом. Виутих, отсутствовавший около часа, вернулся переодетый в типичную одежду уроженца Мау – штаны, длинная одноцветная рубаха и цветной пояс. Вот, только, вместо коротких сапожек или мокасин, он, по-прежнему, был обут в разновидность шлепанцев, а рубашка была почти белого цвета – вероятно, климат на восточном побережье диктовал свои особенности местной моде. С собой он приволок довольно увесистый мешок – сложно было ожидать от монаха большого личного имущества, но, скорее всего, я чего-то не знал, так как видящие тут же затеяли тихую склоку по поводу его поклажи. Ана обозначила свой интерес к местным разборкам, и в результате, троица недовольно утихла, а Виутих демонстративно водрузил предмет спора в самолет.

Летательный аппарат взлетел под восторженные выкрики рядовых монахов, только что отсутствовавших на площадке, и обнаружившихся во множестве вокруг нее, стоило нам только набрать высоту.

Со стороны океана скапливалась темнота – пушистые белые облака под вечер сбились в мрачную темно-серую массу,

плотно закрывшую небо от моря. Местами уже можно было видеть мутные хвосты дождя, протянувшие свои щупальца между тучей и потемневшей темной водой, покрывшейся белыми мурашками. Вероятно, на побережье уже набирал силу ливень. Никакого желания испытывать самодельный летательный аппарат стихией у меня не было, и я направил машину поверх предгорных холмов и долин на юг.

Самолет ощутимо покачивало так, что скрипел деревянный набор корпуса, порывы ветра старались развернуть его и мне приходилось постоянно выравнивать машину по курсу. Обшивка отзывалась гулками хлопками и вздохами под напором взбаламученной атмосферы снаружи. Мы молчали – помолчать было о чем.

Мне повезло, и я наткнулся на такую нужную мне информацию. Но масштаб проблем, которые она тут же поставила передо мной, приводил в смятение. Казалось бы, какие сомнения? У меня координаты таинственного острова, затерянного в океане – вперед, в поисках ответов и приключений. Но одно дело мечты, другое – возможности. Пять тысяч километров над океаном, это по приблизительным оценкам и, если двигаться по прямой, – недостижимое расстояние для моей птицы. Я оценивал свои возможности так, как меня учили – цифрами. Журнал полетов, который я завел для новой машины, безучастно свидетельствовал – две не критических поломки на каждые десять часов полета, одна критическая, это, когда полет становился невозможен, на каж-

дые двенадцать. Это до того, как подключилась скелле. После этого, статистики было пока недостаточно, но некритические поломки лишь стали немного реже. Для того, чтобы не бояться летать, требовалось регулярно обслуживать самолет после каждых пяти часов в воздухе, и серьезно ремонтировать – после каждых двадцати. Ана, конечно, была настоящим спасением, но рассчитывать я мог только на свои силы, и поэтому исходил из того, что мог выдержать самолет на моих механизмах, без скелле.

Средняя скорость полета, по моим оценкам, составляла около семидесяти километров в час. Машина могла лететь быстрее, но тогда страдала обшивка, которая, хотя и была зафиксирована слоем полимеризованной смолы, все равно умудрялась изнашиваться в местах крепления и на изломах шпангоутов. Канистра со смолой шла в ход почти при каждом осмотре самолета. Чтобы кардинально решить эту проблему, следовало либо делать более частый силовой набор корпуса, либо применять многослойную обшивку. Я склонялся ко второму варианту, если бы у меня были время и средства для этого. Пока же, исходим из того, что имеем – при семидесяти километрах в час, я должен совершать посадку для технического обслуживания самолета каждые триста пятьдесят километров – в крайнем случае, каждые семьсот. А у нас – пять тысяч. И это над водой. С ненадежной, непроверенной навигацией, которую еще надо создать. Без прогноза погоды. Без опыта полетов над местными океана-

ми. Короче – самоубийство.

Вторая проблема – Ана. После схватки на крыше небоскреба, девушка стала задумчивой. Карта под куполом потрясла ее, как и меня, но никакого энтузиазма не вызвала. В отличие от Виутиха, который готов был на все, что угодно, лишь бы сбежать из монастыря на поиски своей мечты, Ана, как мне показалось, трезво оценила перспективы такого путешествия. Она молчала и это было более, чем красноречиво. Назревал серьезный разговор, но я не мог на него решиться – я еще не отошел от шока стычки со скелле. Еще одно сражение с девушкой, которую недавно почти потерял, было для меня невыносимым.

Еще одна проблема – Виутих. Я взял его, так как был обязан ему и так как, он являлся носителем знаний, которые мне только предстояло усвоить. Знаний настолько критически важных, что без них само путешествие через океан теряло смысл. Но монах, бывший монах, не безмолвная книга. Он – живой человек, который хочет есть, спать и у него есть собственные интересы. Что мне с ним делать? В каком статусе он будет меня сопровождать? Справочника? Слуги? Партнера? Или я изображаю сейчас таксиста, согласившегося за интересный рассказ бесплатно подвезти пассажира?

Темнело. Облачность неумолимо наползала на предгорья. Надо было срочно искать место для посадки и ночевки, пока еще был запас времени. В опасной близости под нами мелькнули макушки деревьев, поверхность планеты стремительно

ушла вниз. Там открылась глубокая и широкая долина с поблескивающей лентой реки, дорогой и небольшим поселком, раскидавшим домики на обширной террасе, примыкавшей к склону. Еще выше виднелись останки строений древних – невысокие скелеты в семь этажей двух широких и плоских по форме сооружений, по-видимому, когда-то в прошлом соединенных длинным переходом, от которого теперь остался лишь незаметный вал из обломков.

Я без обсуждений развернул машину вправо и направил ее к развалинам. Ночевка среди пустых и безжизненных бетонных лабиринтов казалась мне более безопасной, чем посещение уютной деревеньки. Мои спутники молчали и мне показалось, что они разделяют мое мнение. Крыши зданий темнели провалами, и я посадил машину на широкой ровной полянке рядом с одним из пары скелетов близнецов. Накопленный опыт давал о себе знать и, несмотря на сильный и порывистый ветер, сесть удалось сразу и без приключений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.